

С.А. Голованов Из воспоминаний участника борьбы за Советскую власть на Севере¹³⁸

Рудник Бакырчик Чарского района
Семипалатинской области

23 октября 1960 г.

Голованов Степан Афанасьевич. Прибыл на Мурман весной 1918 г. В 1918-1920 гг. кочегар, машинист на судах Мурманского порта, участник подготовки восстания в Мурманске в феврале 1920 г. В 1920 г. член укома РКП(б), секретарь Союза моряков; в 1921 г. член губкома РКП(б). Один из организаторов комсомольской организации на Мурмане. С 1922 г. на советской работе - заведующий губернским финансовым отделом, заместитель председателя Мурманского губернского исполкома. В 1923 г. откомандирован в Сибирь на финансовую работу. С 1928 г. по 1957 г. работал в золотодобывающей промышленности.

[...] ¹³⁹

Прибытие в Мурманск и отъезд в Москву

Пароход шёл медленно. Наконец, мы в марте 1918 г. приблизились к русским берегам, покрытым снегом. Несмотря на неприятный, угрюмый вид наших берегов, они казались нам родными и близкими. Благополучный конец нашего прибытия приближался. Все повеселели.

Пароход прошёл по Кольскому заливу и остановился у пристани в Мурманске.

Нас встретил председатель Мурманского краевого Совета Юрьев.¹⁴⁰ Моряки попросили его спросить у капитана парохода, почему он держал голодом русских моряков и солдат. Якобы, капитан ответил: «Пароход немецкий, флаг португальский, администрация английская, команда японская, а везём большевиков. Какой можно спрашивать порядок?»

Перед уходом с парохода нам, морякам, было выдано на дорогу по жёлтому морскому из верблюжьей шерсти плащу на деревянных пуговицах, шерстяной рубашке и по несколько банок консервов и галет. Каждому в мешочке, со словами: «Это подарок от английского короля». Это было нами принято, но за всё, что делали с нами раньше, все моряки и солдаты опорожнили свои желудки на пароходе везде, где только можно. Я уходил с парохода одним из последних и не видел больше в жизни такого безобразия на судне.

Многие из моряков были из Архангельской губернии, решили остаться на Мурмане, из них некоторые машинисты поступили на железную дорогу. Группа моряков с пароходов Чёрного моря, т.е. основная группа арестованных во Франции (в Марселе и в Тулоне) поехала в центр России. Я поехал с ней.

На станции Имандра нам предложили вооружиться. Нас ехало человек 300. Нам сказали – впереди на наш эшелон возможны нападения белофиннов. Поезд двигался медленно, но без приключений. На станции Званка к нам пришёл военный комендант станции и сказал, что мы поедем прямо на Москву, впереди нам ничто больше не угрожает, поэтому винтовки и патроны надо сдать. Мы это сделали.

По прибытии в Москву мы обратились в Народный комиссариат по военным и морским делам. Помещался он на Пречистенке. Там мне тов. Подвойский предложил

¹³⁸ Заголовок документа.

¹³⁹ Опущены сведения о жизни автора в период с 1916 г. до марта 1918 г.: работе кочегаром в Добровольном флоте, плавании в Америку, дезертирстве из флота, знакомстве с эмигрантами – большевиками, принятии решения о возвращении в Советскую Россию, проживании во Франции, участии в создании Союза русских моряков, находящихся во Франции, отправке русских моряков и военнопленных на родину; восстановлении народного хозяйства Мурмана после гражданской войны и интервенции, работе в союзе водников, уездно-городском комитете РКП(б), губкоме РКП(б), губисполкоме, губпрофсовете, губфинотделе до июня 1923 г.

¹⁴⁰ В марте 1918 г. еще не было Краевого Совета - он появится в апреле. А.М.Юрьев был заместителем председателя Совета. (См.: А.А. Киселев. А.М. Юрьев // Политические деятели России. 1917 год. – М., 1993.)

описать всё, как с нами было. Я это сделал и сдал одному из помощников Подвойского (фамилия теперь не помню). На довольствие нас прикрепил к 3-му Интернациональному полку.

Из военного комиссариата нас передали в Военно-морскую коллегия тов. Раскольникову. Моряки уполномочили меня и Синякова¹⁴¹ вести переговоры с Раскольниковым. Штаб Раскольникова помещался в Лоскутной гостинице. Охрану несли военные моряки. Раскольникова трудно было увидеть. Он был очень занят, поэтому мы ждали его несколько суток. В ожидании тов. Раскольникова мы бывали и у его начальника штаба, бывшего адмирала Альфатера. Это был человек среднего роста с черной бородкой, очень складно сложенный. Его лицо было спокойным и бледноватым. С рукавов его мундира ещё не были спороты адмиральские нашивки черного защитного цвета. Мне было странно пожимать руку бывшему адмиралу. Этот человек и жил, и работал в одной комнате.

При нас приходили командиры разных отрядов и просили у Альфатера снарядов и пушек или другое снаряжение. Небольшие сражения велись в районе городов Пскова и Новгорода с немцами.

Наконец, нас пригласили к тов. Раскольникову. Он был выше среднего роста, лицо было бритое, волосы зачесаны назад. Он, слушая нас, ходил взад и вперед по своему кабинету большими шагами и гладил пятернёй волосы то правой, то левой рукой. Мы сказали, что моряки, за исключением четырех человек, едут все на юг, кто куда. Вступать в отряды пока не могут, хотят отдохнуть и увидеться с родными, а потом уже вступать в отряды. Раскольников спросил: «Кто хочет ехать обратно на Мурман?» Я сказал, что один из четырех желающих ехать на Мурман - я. Раскольников сказал: «При приезде на Мурман создайте отряды для защиты Советской власти на Мурмане». Я на это ответил: «Тов. Раскольников, там англичане уже устанавливают батареи на высотах. Сила у них». Тогда тов. Раскольников сказал нам: «Если дело зашло так далеко, то создавайте подпольные организации».

На Мурман поехал я, Бондарь Яков Епифанович, Енкин и Сидоренко. Они ранее плавали на пароходе «Екатерина». Мы получили документы от ЦК Союза работников водного транспорта, что мы едем на Мурман работать, я и Енкин - кочегарами, а Бондарь и Сидоренко - матросами.

Из Москвы в Мурманск. Попытки организации вооружённого отряда, начало подпольной работы моряков

В Москве мы с большим трудом сели в поезд, на Мурман ехало много народу. Когда в поезде мы огляделись, то увидели, что среди пассажиров едут люди, которые бегут от Советской власти. Сколько тогда в вагонах было злобного шипения против Советской власти и большевиков и разных злобных реплик.

Поезда шли на Мурман через Ленинград довольно долго. Мурманская дорога была ещё новая, сделанная по-военному, быстро, а кое-где и наспех.

По прибытии в Мурманск мы пошли в профсоюз. Нас определили на пароход № 2 Мурманского порта. Кто был в профсоюзе, я сейчас не помню.

Пароход № 2 стоял у пристани без действия. Паровой котёл был забракован какой-то авторитетной технической комиссией. На пароходе был неполный состав команды. Но с принятием нас состав команды стал полный. Я и Енкин стали кочегарами, Бондарь - боцманом, а Сидоренко - матросом. Мы не хотели хлеб есть даром и принялись за дело.

¹⁴¹ Ранее в тексте есть сведения о создании Союза русских моряков, находящихся во Франции, в декабре 1917 г. – январе 1918 г. моряками торгового и военного флотов, ожидающими отправки на родину в Гавре. Председателем союза был избран бывший машинист с парохода «Екатерина» Синяков, секретарем – Голованов С.А.

На палубе и в кочегарке мы навели нужный морской порядок и чистоту. Затем мы с Енкиным поговорили с механиком, фамилии не помню, опытным моряком, о состоянии парового котла. Механик сказал нам, что он тщательно осмотрел котёл и признаёт его хорошим, но этого мало, котёл надо испытать гидравлическим давлением. Мы с Енкиным по-товарищески выразили ему наше горячее желание восстановить паровой котел.

После тщательной подготовки котла мы приготовились к гидравлическому испытанию. Сперва испытание мы провели сами. Котел оказался в хорошем состоянии, за исключением очень маленького просачивания кое-где. Механик и мы всё зачеканили и тогда решили на следующее испытание пригласить главного инженера порта. Это был высокого роста человек с бородкой, очень резко высказывавший свои взгляды о том, что наш простой моряк вряд ли может без инженеров сделать что-либо путное. И этот человек отказался прийти на испытание. Тогда наш механик собрал механиков с других судов, и гидравлическое испытание котла мы произвели сами. Механики засвидетельствовали полную пригодность нашего парового котла. Пароход вошёл в строй. Своими действиями мы доказали, что мы опытные моряки и любим работу. Это создало нам среди моряков хорошую репутацию. У моряков пользовался хорошей репутацией человек в совершенстве знающий дело, за которое взялся.

В свободное от работы время мы знакомились с моряками остальных судов, но нас поражала деятельность англичан. На высотах кое-где они устанавливали пушки, а в горы посылали разведочные отряды с легкими буровыми станками. Моряки, грузчики и рабочие на это смотрели неодобрительно. И задавали себе вопрос: «Почему краевой Совет разрешает это англичанам?» (В то время Совет в Мурманске назывался краевым).

Теперь мне невозможно вспомнить, как мы узнавали единомышленников. Время было революционное, переломное. Из небольшого разговора узнавался человек, за Советскую власть он или против. А кто был за Советскую власть, тот был наш человек. Так мы узнавали своих единомышленников в торговом и местном флоте. Мы искали большевистскую партийную организацию, но таковой нам не удалось найти. По нашим подсчетам в первое время нас собралось около 300 человек моряков и грузчиков, готовых взять оружие и вступить в отряд для защиты Советской власти на Мурмане. Такие же люди имелись и на железной дороге. Примеру этого отряда последовало бы ещё много народу на Мурмане. По моему мнению, на Мурмане в то время были очень благоприятные для этого условия.

В конце мая 1918 г. я, Бондарь, Пятак и Енкин и еще три человека были уполномочены моряками идти к председателю Мурманского краевого Совета Юрьеву и узнать у него, где получить оружие для защиты Советской власти на Мурмане.

Разговор с Юрьевым происходил у него на квартире, на кухне. Приём нам был устроен архидемократический. Мы хотели говорить только с Юрьевым, но во время нашей беседы в кухню заходил секретарь Совета Веселаго, якобы налить чаю из чайника, стоящего на плите. Веселаго был одет в форму офицера морского флота без нашивок. Вид был у него аристократический; высокого роста, тонкий, стройный, с аккуратно подстриженной бородкой. Своим обликом он даже не походил на русского человека.

Беседуя с Юрьевым, мы сказали ему: «Среди моряков имеются желающие организовать отряд для защиты Советской власти на Мурмане, но просят узнать, откуда взять оружие». Юрьев ответил, что в его распоряжении оружия нет, но что оружие можно получить у англичан. Мы сказали Юрьеву: «Мы считаем: Советскую власть на Мурмане нужно защищать, в первую очередь, от англичан, а вы говорите, что у них только и можно получить оружие». Тогда Юрьев попытался убедить нас в том, что англичане на Мурмане присутствуют как союзники с Россией по войне с Германией, что они не против Советской власти, они против Германии и т.д. и т.п.

Услышав это, мы не стали продолжать разговор об оружии и сделали вид, что мы пришли к нему, как к бывшему моряку. Юрьев угостил нас чаем. Беседуя с нами, [он] говорил против руководителей Советской власти, в частности, против Ленина. Он

говорил: «Вот вы, моряки, надоедаете, питаетесь кое-чем, а Ленин сливочное масло намазывает на хлеб в два пальца толщиной». Подобная агитация убедила нас в том, что Юрьев - помощник англичан.

Обратно мы вернулись к морякам ни с чем. Беседы с моряками у нас приходили по группам со строго индивидуальным подходом. Мы не собирали никаких собраний и не вели никаких протоколов. К комитету Союза моряков мы относились лояльно, только как к профсоюзному органу, узко защищающему профсоюзные интересы. Мы не делали попыток организовать моряков через него и не думали об этом.

Из нашей информации о разговоре с Юрьевым все моряки сделали вывод, что Мурманский Совет за одно с англичанами, и так как у англичан - сила, то Мурманский Совет есть фактический помощник англичан.

Получать оружие у англичан нецелесообразно, так как при таких отношениях Совета с англичанами мы не сумеем организовать оборону Мурманска одними своими силами. Одной и самой основной причиной всё же было отсутствие у нас опыта. Членов партии среди нас не было. Настоящей связи с железнодорожниками и военными моряками ещё не установилось.

Пароход № 2 часто делал рейсы между Мурманском и Александровском. На пароходе всегда были пассажиры из Мурманска в Александровск и обратно. Разговоры среди них отражали настроения рабочих. Эти настроения были враждебны интервентам.

Англичане в Мурманске действовали всё более активно. У нас сложилось мнение: если из коммунистов кто и был на Мурмане, то, видя захват Мурманска, постарался уехать, а кто не успел скрыться, был арестован. Если и была партийная организация, то она была разгромлена, но никаких сведений о её существовании мы не обнаружили.

Шёл конец июня месяца 1918 г. Уже было слышно, что железнодорожную связь с Советской Россией оборвали. Коммунистов и сочувствующих по линии железной дороги уже расстреливают, некоторые большевики арестованы, а некоторые сбежали. Мурманский краевой Совет вышел из подчинения центральной власти. Эти сведения только угнетали нас, рабочих, ибо мы понимали, что теперь уже хозяева - интервенты.

Отделение Мурманского края от Советской России,

углубление подпольной работы и пропаганда против белых и предателей

6 июля 1918 года во второй половине дня все жители города Мурманска и моряки приглашались на собрание.

На собрании было выступление Юрьева о том, что краевой Мурманский Совет отделился от центральной Советской власти. Основная причина отделения - это быть в контакте с силами союзников, которые защитят Мурманск от немцев. Так же и в отношении продовольствия. Ждать продуктов от центральной власти мы не можем, там в России в городах голод. По продкарточкам почти ничего не дают. Союзники обещают снабжать население Мурманска продуктами.

Почти все моряки присутствовали на этом собрании. Я было хотел выступить, но моряки меня удержали от выступления. Я хотел высказать мнение многих моряков о том, что на Мурмане голод организован умышленно, для того чтобы передать этот богатейший край англичанам. Склады ещё полны запасами русского хлеба и других продуктов. Это могут подтвердить грузчики. Краевой Совет изменяет нашей Родине - Советской России. У нашего центрального правительства всегда найдутся средства и возможности доставить продукты, ибо Мурман за каждый пуд муки и других продуктов, привезенный на Мурман, пошлет десять пудов рыбы городам России. Англичане заставят нас, русских, воевать против русских, за помещиков и капиталистов, английских или наших, всё равно. Ещё не было собрания, а наших братьев русских англичане уже расстреливают. Но моряки сказали мне, что это понятно тому, кто политически развит, а кто ещё не понял, то твоё выступление на этом собрании не разъяснит сути дела. Тут нужна кропотливая работа. После Юрьева выступали английский генерал Пуль и другие.

Собрание выслушало всё молча. Были отдельные выкрики: «А белым хлебом союзники будут кормить?» Юрьев и Пуль отвечали: «Будут». Никакого голосования на собрании не было. Были слышны возле крыльца, с которого говорили Юрьев и Пуль, какие-то одобрительные выкрики.

После собрания подвозка войск англичанами в Мурманск усилилась. Одновременно с англичанами стали прибывать суда с американцами и французами. Откуда-то прибыли поляки, сербы и даже датчане. Правда, сербов, поляков и датчан было очень мало. Скорее это было символическое количество.¹⁴² Главным образом были англичане.

Среди рабочих и служащих города были произведены аресты.

Однажды один из прибывших английских больших пароходов привез несколько тысяч английских солдат. Среди них было около 200 человек русских солдат и офицеров, бывших германских пленных, убежавших из плена.

Наш буксирный пароход № 2 перевозил солдат и офицеров с транспорта (парохода) на пристань. Я не был на вахте. Мы стояли с боцманом Бондарем на палубе, в стороне, и смотрели на перевозку солдат и обменивались мнениями.

От группы принятых на палубу русских солдат и офицеров отделился один офицер, подходит к нам и говорит: «Здравствуйте, товарищи!» Мы ему говорим: «Господин офицер, здесь не принято говорить товарищи». Он говорит: «Ведь здесь Советская власть, почему не принято?» - «Это, да, но Советская власть, отказавшаяся подчиняться центральному Советскому правительству». Тогда он говорит: «У меня старушка-мать и сестра живут в Питере, можно ли проехать из Мурманска в Питер? Я их давно не видел, я воевал, сидел в плену, и времени много ушло». - «Господин офицер, мы знаем, что некоторые люди хотели поехать, но не смогли. Поезда не ходят в Питер». Тогда он сказал, что при желании можно суметь добраться до Питера.

Мы были удивлены этим разговором и подумали, что этот белогвардейский офицер, заметив наши сумрачные лица, решил «пощупать» нас.

В разговоре офицер сказал, что он капитан Орлов. На нем была форма английского офицера со звёздочками на английском погоне защитного цвета. Он был росту выше среднего, бритый, широкое открытое лицо с великорусскими скулами, прямой нос, светлые, весёлые, но очень внимательные глаза. Он производил впечатление ловкого и физически развитого человека. После этого мы с Бондарем называли его «наш знакомый».

На пароходе у нас были два новых молодых человека, один из них Шунчев, а фамилию другого я забыл. Шунчев был немного постарше, вероятно, с 1899 г., и немного служил в армии, а другой совсем не служил. Они были оба из бедной деревни Вятской губернии. На судно они явились - Шунчев в каких-то худых сапогах, а его товарищ в лаптях. Обувь они сменили, уже работая на пароходе. Шунчев работал матросом, а его товарищ работал вместе со мной в кочегарке. Оба они были неразвиты, но, работая вместе с нами, они стали сознательными людьми. Этому способствовало то, что мы и на работе, и в кубике всегда были вместе.

После измены местного краевого Совета центральному Советскому правительству они ещё больше поняли и осознали обман рабочих и моряков Мурманска. Безусловно, какая-то небольшая часть рабочих и моряков была политически не сознательна, считала, что союзники - англичане накормят белым хлебом и т.д., но проходила неделя, а мы ели русский хлеб прошлых запасов и русские продукты. Наше снабжение не улучшалось, а ухудшалось. У таких несознательных людей обычно остальные спрашивали: «Когда же покушаем заграничного белого хлеба то?» В ответ ничего было сказать.

Жить было трудно. Приходилось для собственного питания ловить в заливе бычков и камбалу.

¹⁴² По другим данным, в течение мая 1918 г. из центральных областей России на Мурман прибыло 3500 сербов (*Военные моряки в борьбе за власть Советов на Севере (1917-1920 гг.): Сборник документов. – Л., 1983. – С. 373*).

Зарплата была ничтожная. Я не представляю себе, как жили [те], кто имел детей. Я был одинокий человек, и мне хватало зарплаты только на табак. Табак мы покупали у моряков, которые бывали в Норвегии, либо у английских солдат и офицеров. Моряки удивлялись мелочности английских офицеров продававших жителям Мурманска, как мелкие спекулянты, табак и сигареты и говорили: «Какие это офицеры - это мелкие спекулянты».

На мелких и крупных фактах жизни население и моряки Мурманска убеждались в том, что интервенты-англичане - хищники и спекулянты, пользуясь временной слабостью центральной Советской власти, грабят страну, вывозя из Мурманска всё, что можно, и также спекулируют.

На Мурмане сохранились ещё фиктивные профсоюзы. Сохранилось помещение Союза моряков - барак, в одной комнате которого можно было собираться человекам 100-120. К комитету союза обращались только за какими-нибудь справками. По другим вопросам он был на стороне администрации. Во главе Союза моряков оказались отец и сын Бейлины. Нам было известно, что Бейлины были сторонниками интервентов и белых. Отец и сын хвастались, что они дворяне, а не мужики. Руководить Союзом моряков никто их не выбирал. Они были самозванцы.

Подавляющее большинство моряков было настроено против интервентов - за Советскую власть. Нам было это известно, ибо на каждом судне были наши люди. К сожалению, я не могу вспомнить фамилий всех товарищей, прошло очень много времени. Но отдельных товарищей, с которыми приходилось часто видеться, я [и] сейчас помню.

Пятак (имени и отчества не помню) служил механиком на большом механизированном паруснике «Лоуристон». Этому человеку было уже за сорок лет. Он был очень начитанный по истории рабочего и революционного движения. Он говорил, что он не член партии, но ему приходилось в жизни встречаться с большевиками. Он был хорошо грамотным, но выучился самоучкой. Пятак был знаком и с марксистской литературой. Он знал содержание Коммунистического манифеста. Благодаря своей энергии он был связан со многими товарищами различных судов. Его нельзя назвать агитатором, но пропагандист он был отличный. В свободное время мы часто у него собирались небольшими группами человека четыре-три. У него это было удобно делать, так как на судне вечерами он был, кроме вахтенного, почти один, а его судно стояло на лихтерной пристани, как склад.

С рыболовных тральщиков я помню механика Никитина, с тральщика № 13, механика Анкудинова, Шмидта и много других с разных судов. От механиков и штурманов нам было известно и о настроении всех капитанов и штурманов. Этим людям интервенция тоже не нравилась. Они считали, что Россия едина и неделима. В России может быть только одно правительство, и оно должно быть центральным правительством. Если русский народ поставил во главе России большевиков, то, значит, это правительство и есть законное правительство. Это правительство опирается только на русский народ, борется против непрощенных гостей – иностранцев. Местные мурманские власти, согласившиеся допустить иностранные войска на русскую землю, это изменники Родины.

С железной дороги с нами был связан рабочий Грачёв. Он, кажется, работал в железнодорожном депо, а жил в товарном вагоне, приспособленном под жильё.

Таким образом, складывалась группа моряков сторонников большевиков, преданных Советской власти и партии.

Против города на другой стороне залива стояла водокачка.¹⁴³ Машинистом этой водокачки был моряк с Чёрного моря, звали его Кронциркуль. Это был около сорока лет человек, ниже среднего роста, но очень плотный и сильный, а ноги у него действительно

¹⁴³ Имеется в виду водозабор Варяжского ручья (в районе нынешнего Абрам-мыса), где заправлялись пресной водой суда, приходившие в Мурманске.

были кривые и походили на кронциркуль. Эта водокачка была удобна своим уединением, там никто не жил кроме Кронциркуля, а суда приходили брать пресную воду только там.

Моряки и рабочие ненавидели интервентов, поэтому часто возникали драки и скандалы между английскими солдатами и русскими моряками и рабочими.

Бесславная кончина Мурманского краевого Совета и установление голой белогвардейской диктатуры

Через некоторое время, в сентябре 1918 г., интервенты сбросили маску в виде Мурманского краевого Совета, и на Мурмане установилась власть белогвардейцев без всякой маски.

Начальником Мурманского края стал помощник Архангельского генерал-губернатора Ермолов, а военным комендантом города Мурманска стал капитан Орлов.¹⁴⁴ Председатель Мурманского краевого Совета Юрьев устроился на работу в американское консульство каким-то служащим.

Однажды был разговор среди моряков, откуда прибыли белогвардейцы на Мурман. Мы с Бондарем слышали, что капитан Орлов прибыл из-за границы. Тогда мы решили проверить, не наш ли это знакомый. Действительно, капитан Орлов был тот самый, который с нами разговаривал на судне при приезде на берег. Мы только сказали: «Ну и сволочь!»

Вскоре была объявлена мобилизация и призыв в белую армию. С нашего судна были мобилизованы в армию Шунчев и кочегар. Эти два моряка к этому времени уже были подготовленными и сознательными людьми, как большевики, и мы были несколько изумлены и даже обрадованы, что обоих комендант города капитан Орлов отобрал в комендантскую команду.

Собственно говоря, с упразднением Советской власти ничто не изменилось, и мы ничего не почувствовали, ибо англичане давно заняли край. Нам всем было понятно, что главной силой на Мурмане были они. Правда, прибыли войска американцев. Хотя у англичан и американцев и один язык, но солдаты резко отличались друг от друга. Среди американцев мы встречали нередко бывших украинцев, знающих украинский язык. Эти люди интересовались многими политическими вопросами, им давались разъяснения, нужно сказать, что у американских солдат не было никакого желания воевать.

Среди английских солдат тоже находились люди, интересовавшиеся политическим положением. С этими людьми мы старались проводить беседы. Среди английских солдат были даже такие случаи. Мне пришлось быть свидетелем очень интересной сцены. Пришёл английский транспорт с солдатами, и на этом же транспорте отправились английские солдаты в отпуск или по неблагонадежности. Между этими солдатами сперва произошла ругань. Слышалось со стороны уезжающих солдат по адресу прибывших: «Куда вы, дураки, приехали? Зачем? Русских рабочих убивать». Потом ругань перешла в драку, пошли в ход и комки грязи, и ещё кое-что.

Среди простых английских солдат интервенция была не популярна, и они, как правило, быстро усваивали правильную точку зрения и, как говорили, «разлагались».

Такие войска, как сербские, польские и французские, мы особенно во внимание не принимали, так как их было мало.

Одновременно с прибытием войск в Мурманский порт стали завозиться и продовольственные товары. Один большой английский транспорт с продовольствием налетел в тумане на скалы и получил пробоину. Наш пароход ходил на его выручку. Большое количество продуктов ушло через нас и другие буксирные пароходы населению Мурманска.

¹⁴⁴ Штабс-капитан И.И.Орлов был начальником комендантской роты, а не военным комендантом. (См.: Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане. – Мурманск, 1960. С. 469.)

Однажды у нас не успели взять белую муку из кочегарки, а уже по судам начала ходить какая-то английская комиссия в поисках похищенных продуктов, и пришлось мне чудесную муку сжигать в топках нашего котла. Более десятка мешков сжёг я в топке.

На железной дороге шло снабжение населения из вагонов, гружённых английскими продуктами и обмундированием, идущим на фронт.

Выгрузка производилась на ходу поезда. Мы через грузчиков знали, в каком складе и где что лежит. Иногда случались и курьёзы. Однажды ночью моряки принесли ящик с ручными гранатами. Стали вскрывать, и вместо гранат [в них] оказалось шампанское. Моряки приняли его за квас и стали его пить, но квас оказался хмельным. Мы только потом догадались, что это шампанское. Производились, где возможно, и аварии на железной дороге и в порту.

В городе для связи между складами была сделана узкоколейная рельсовая дорога. По ней ходили небольшие поезда из открытых платформ. Вместо паровоза был двигатель внутреннего сгорания на колёсах. Называлась эта дорожка тракторной.¹⁴⁵ В депо этой дорожки работал механиком член партии с 1917 г. Слепцов, известный мне. Это был большого роста человек, с сивыми усами, очень сильный физически, но он был обременён многочисленной семьёй, и мы берегли его.

К концу 1918 г. среди моряков на Мурмане сложилась сильная подпольная организация. Уже имелись налаженные связи с железнодорожниками, военными моряками, комендантской командой и местным населением - рыбаками.

Попытки связаться с частями Красной Армии, наступающей на Мурман.

Арест. Пребывание в тюрьме на «Чесме» и в Александровской тюрьме

Группа товарищей обсудила вопрос об установлении связи с партийными организациями Красной Армии, наступающей на Мурман. Выбор пал на механика буксирного парохода Михайловского, кочегара с какого то судна Фрица Эккерта и меня. Михайловский и Эккерт были латыши.

Мы должны были выйти пешком из Мурманска на лапландский поселок Кильдинский погост, а оттуда на оленях или пешком пробраться да станции Имандра. На этой станции работал машинистом бывший наш моряк, через него доехать, как можно ближе, к фронту и обойти фронт лесом и выйти из лесу на сторону фронта красных.

Мы не брали с собой никакого оружия. Обходя город Мурманск, мы нечаянно наткнулись на заставу в горах. Застава была из русских солдат белогвардейцев. Нас обыскали, но поверили, что мы идем в город Колу. Дальше мы до самого погоста шли без задержки.

Из погоста мы на оленях через несколько дней вечером приблизились к станции Имандра и пошли пешком, одеты мы были в английские бушлаты, а обуты в рабочие ботинки. У Михайловского и Эккерта оказались обмороженными пальцы на ногах. До станции оставалось не больше двух километров, но по пути нам попалась избушка лопаря. Михайловский и Эккерт дальше избушки идти не могли, и мы вынуждены были зайти в избушку. Мы быстро обогрелись, поели взятой у лопаря рыбы, и я решил сходить на станцию один. Я знал, где жил знакомый машинист и сходил к нему узнать, как проехать дальше. Машинист мне сказал, что он может провезти нас на паровозе до нужного места, а там удобно отклониться в лес, в сторону. Местного населения можно не опасаться, если придётся зайти в деревню. Выезд можно сделать через день, когда будет его очередь ехать. В избушку лопаря мы зашли зря, надо было сразу идти на станцию, здесь бы и ночевали. Мы договорились с машинистом, мне идти за Михайловским и Эккертом и возвращаться обратно на станцию. Но Михайловский и Эккерт наотрез отказались идти на станцию. Тогда я сказал им, что мы теперь всё провалили. Ночью нас, вероятно, арестуют надо уходить отсюда. Но мои товарищи не пошли. Действительно, им было очень больно

¹⁴⁵ Эту узкоколейку чаще называли «декавилькой» (по имени ее изобретателя француза Де Кавиля).

идти, и на них напала какая-то апатия. Я решил остаться с ними ночевать. Конечно, мы и остерегались кого-либо, кроме себя, подводить под арест.

Ночью, когда мы, усталые, крепко спали на полу, я проснулся от крика: «Именем закона вы арестованы!» Открыв глаза, мы увидели направленные на нас винтовки, а по сторонам стояли свечи, освещая нас, чтобы видеть, что мы будем делать.

Солдаты, арестовавшие нас, были поляки. Они привели нас в караульное помещение к дежурному офицеру. Тот не стал нас опрашивать, а отправил нас к английскому офицеру.

Английский офицер только спросил наши фамилии, место работы и посадил нас в холодную тёмную комнату под охраной часового. На другой день вечером нас привели в другое здание и завели в комнату и велели раздеться до пояса. Потом, связав нам руки, по очереди клали на скамью и били какой-то резиновой палкой по спине. Никто из нас не разобрал, сколько каждый получил ударов, но, кажется, по 25 ударов. После побоев нам чем-то присыпали спину и опять поместили под охраной в ту же комнату. У нас болели спины, нам больно было на них ложиться, но, смеясь, говорили друг другу что, наверное, мы попали под указание генерала Пуля, который говорил: «Я учил палкой индусов, я научу и русских».

У нас нечего было курить, Фриц Эккерт хорошо говорил по-английски, раньше он плавал на английских судах. Он попросил караульного английского солдата достать нам табаку. Солдат нам обещал, когда сменится с караула. Когда вновь заступил этот солдат на пост, он угостил нас табаком, и мы его спросили, за что нас держат арестованными. Он ответил: «Подозревают, что вы перешли фронт из Советской России».

Дней через семь-восемь нас отправили под конвоем в Мурманск.

На станции Кола (от Мурманска 12 км) поезд был задержан, что-то случилось с мостом. Конвой высадил нас и отвел в барак, оборудованный под казарму. Там конвой сдал нас под расписку, и мы были размещены в бараке на нарах среди белых солдат. Белые солдаты начинали между собой разные провокационные разговоры, например, что Вологда взята, и с востока идут войска Колчака на соединение с севером, что большевиков расстреливают, как бандитов, и т.п.

Когда меня солдат водил в уборную на улице, он обратился ко мне и сказал: «Товарищ, здесь все белые солдаты - добровольцы, сынки богатых. Ни на какие провокации не отвечай, в разговоры не вступай. Я попал в армию по мобилизации». Я спросил: «А можно это передать моим товарищам?» Он ответил, что передаст, так как по бараку сегодня дневальным он. Это было сделано.

Утром конвой повез нас в Мурманск, и только к вечеру нас привели в плавучую тюрьму броненосец «Чесма». Я теперь не помню, на какую по счету палубу нас втолкали.

Тюрьма была вместительной. В то время там помещалось много народа. Когда нас втолкнули, мы остановились недалеко от входа, не зная, куда поместиться. К нам подошёл один арестант и спросил: «Кто вы?» Мы ответили: «Моряки». Ну, тогда идите к нам. Оказывается, все заключённые делились на два лагеря, уголовные и политические. Лагерь политических был многочисленнее. Товарищи, давно посаженные, с жадностью нам задавали вопросы. Из сидевших я запомнил Синцова, потом работавшего в Петроградской ЧК, Сироткина Григория Васильевича и Волкова, имени и отчества не помню, студента политехнического Петроградского института. С Синцовым я потом ни разу не встречался. Сироткин Г.В. после переворота работал на Мурмане заместителем ЧК. Он жив, живет в Ленинграде, пенсионер. Я об этом узнал только в 1959 г. Этот человек был арестован с самого начала захвата Мурманга англичанами. Перенес белогвардейскую каторгу в течение 19 месяцев. В тюрьме он был, несмотря на истощение, бодрым. Он наиболее деятельно и энергично всегда налаживал связь с волей, используя для этого любую минимальную возможность. С Волковым я встречался один раз летом в 1920 г. в посёлке Териберка. Он приезжал в командировку что-то сделать по кооперации. Поместились мы в одну комнату. Вечером однажды я собрался на партсобрание и спросил у Волкова, почему он не

собирается на собрание. Он ответил: «Я беспартийный, после тюрьмы я плохо себя чувствую. У меня ни сколько нет энергии, чувствую себя смертельно усталым». Я пожалел, очень пожалел Волкова, ибо в тюрьме это был наиболее грамотный товарищ, выдержанный, спокойный и вполне уверенный в победе нашего дела.

Вид сидевших был сильно изможденный. Особенно были сильно измождены и обессилены арестованные с самого начала интервенции. Более свежими выглядели несколько человек пленных красноармейцев и пленный командир Красной Армии Морозов, большевик, по национальности хорват (серб), посланный ЦК партии в сербские войска со специальными заданиями и случайно узнанный сербским офицером, с которым он вместе когда-то учился в гимназии и тот знал его политические взгляды. Этот товарищ, при посадке его в камеру, пытался вскрыть себе живот сломанным перочинным ножом, но неудачно. После этого его передали англичанам, и он получил порцию палочных ударов по спине.

В полдень всем выдали суточный паек: одна банка консервов на троих и три солдатских английских галеты. Этот паёк мог только продолжить жизнь.

В баню нас водили еженедельно, но времени на мытьё отводили очень мало, так мало, что, несмотря на ловкость и быстроту, мы иногда успевали вымыть только голову. Английская охрана делала из этого один из способов издевательств над нами.

Через несколько дней мы через команду «Чесмы» получили передачу из консервов, галет и табака. После этого на «Чесму» передачи от моряков были регулярными. Среди политзаключенных были страстные любители игры в шахматы. Фигуры для игры сделали из чего-то сами и вместо доски разграфили белую тряпку и очень внимательно играли. В это время я и узнал о шахматах, о которых ранее только слышал.

Однажды утром один из арестованных не поднялся с пола, на котором спал, он разрезал себе живот бритвой. Его унесли и, говорят, он был жив после этого. Это был бывший начальник Мурманского порта.

Я сейчас не помню, сколько мы сидели, но мне передали с воли, чтобы я на следствии сказал, что я родился в Эстонии в Ревеле и по матери больше эстонец, и что через Финляндию хотел попасть в Эстонию.

Нас водили на следствие один раз. Д опрашивал английский офицер. хорошо говоривший по-русски. Первый вопрос - большевик ли я. Я ответил отрицательно. Второй вопрос - считаю ли я Советскую власть хорошей, правильной властью, я ответил, что я - моряк, кроме Мурмана и Эстонии, нигде не был, поэтому я Советскую власть видел только на Мурмане. Почему был арестован? На этот вопрос пришлось сказать, что я вместе с Михайловским и Эккертом хотел бежать в Финляндию, для того, чтобы мне добраться до Эстонии, а им до Латвии, и во время сна были арестованы на Имандре. Мы добирались как можно ближе к границе Финляндии с тем, чтобы перейти границу, попасть в Финляндию, а оттуда - в Эстонию и Латвию. Допрос был коротким. Офицер сказал мне: «Если бы вас захватили возле границы, то обязательно расстреляли».

Через некоторое время всех политических арестованных перевели в тюрьму в город Александровск. Там мы содержались в большом деревянном бараке. Вокруг барака было ограждение из колючей проволоки. Спали на полу без каких-либо постельных принадлежностей.

С нами вместе сидел очень старый еврей, уже выживший из ума. Его вывезли из Англии за то, что он большевик. Он ни слова не говорил по-русски и не был большевиком. На нём появилось много вшей. Мы попросили охрану, чтобы дали горячей воды помыть старика. Пьяные солдаты с хохотом вывели старика на улицу к уборной, облили старика холодной водой и завели обратно в барак. Старик посинел от холода и в судорогах стал умирать. Пьяная охрана стояла вокруг старика, наслаждалась его мучениями и хохотала... Охрана состояла из особо подобранных людей, из уголовников. Им прощалось всё.

В девять часов вечера иногда пьяной охраной производилась поверка. Проверяющий вынимал из кобуры револьвер и считал людей, задерживая револьвер на том, чьё лицо не понравилось ему.

Выход из тюрьмы. Организация подпольного Союза моряков. Рост сил подпольной организации и её влияния

В марте месяце 1919 г. нас из арестованных вызвали человек пятьдесят моряков, поместили на палубу небольшого парохода и повезли в Мурманск. На палубе было холодно ещё и потому, что сказывалось истощение. В Мурманске нас подвели к классным вагонам¹⁴⁶, занятым какой-то английской канцелярией. Потом вышел офицер англичанин и прочитал приказ генерала Аронсайда об освобождении моряков из тюрьмы для усиления составов торгового, рыболовного и подсобного флотов.

После освобождения Михайловский и Эккерт поступили на какой-то пароход и уехали с Мурманска. Я оставался в порту и никуда не поступал, ночевал я на судах, где придётся. Но основным ночлегом был пароход № 2, там работал Бондарь боцманом и Енкин кочегаром. А когда пароход № 2 не приходил в порт, я ночевал у Пятака на «Лауристонне».

Через некоторое время, после выхода нас из тюрьмы моряки решили организовать Союз моряков. Профсоюзные организации были закрыты, поэтому наш союз был нелегальным. Председателя союза не выбирали, а выбрали меня ответственным секретарем союза и Грасса (кочегара с «Сторегута») как члена комитета. Никаких официальных билетов, членских взносов у нас не было.

С тюрьмой в Александровске мы имели постоянную связь. Мы пользовались советами товарищей, которые сидели в тюрьме. Задача Союза моряков была сплотить моряков в единую организацию сторонников Советской власти, так чтобы моряки знали свои силы. Эта задача была выполнена. Причём это стало особенно ясным при проведении следующего мероприятия.

Канцелярия помощника генерал-губернатора объявила, что для очищения края от ненадёжных элементов предлагается желающим выехать из пределов края в Советскую Россию, подать письменные заявления об этом в канцелярию, и они после этого будут отправлены в Советскую Россию. Моряки провели втихомолку собрания, на которых было принято постановление подать заявления всем морякам. Заявления были поданы всеми моряками и грузчиками. В канцелярию за ответом на заявления ходил тов. Грасс. Ответа он не получил. Так сорвалась одна из провокаций белых властей.

Одной из задач союза было устраивать на работу товарищей моряков, которым надо было сменить место жительства, или пристроить скрывавшихся.

Помню такой случай. Однажды ко мне явился некий Власов. Его привезли кочегары из Архангельска скрытно на одном из судов. Он попросил устроить его куда-либо кочегаром или матросом на работу и потом достать ему подходящие документы. Власов, по его словам, окончил до войны мореходку, а во время войны служил прапорщиком на военном судне «Горислава»¹⁴⁷ в Архангельске. К моменту занятия англичанами Архангельска судно покинули все офицеры. Последний офицер мичман Кропоткин, племянник знаменитого анархиста Кропоткина, и сам большевик, тоже уехал в отпуск. Единственным офицером и командиром «Гориславы» остался он, Власов. Отстреливаясь от англичан, он вёл судно вверх по Северной Двине, но, наконец, англичане орудийным попаданием на «Гориславе» испортили рулевое управление. На судне уже были убитые и раненные. Команда стала покидать судно, выбрасываясь в воду. Власов сбегал в каюту,

¹⁴⁶ «Классные вагоны» - пассажирские вагоны, различавшиеся по степени комфортабельности на 4 класса.

¹⁴⁷ Приказом Командующего флотилией Северного Ледовитого океана прапорщик Георгий Ларионов-Власов, служивший на посыльном судне «Горислава», был отчислен от должности со 2 сентября 1918 г. (РГА ВМФ, Ф. р-129, Оп. 2, Д. 10, Л. 28).

собрал все ценные документы и списки, вложил их в водонепроницаемые банки и выбросил за борт, в воду, а затем и сам прыгнул туда же. Он хорошо плавал и сумел выплыть к берегу. Там собралось с «Гориславы» восемь моряков. Власову помогли прятаться рабочие и моряки. С «Гориславы» англичане никого не поймали, но много других моряков было арестовано. Сидел в тюрьме один морской офицер, Дрейер. Во время допросов Дрейер стойко и мужественно держал себя. По слухам, Дрейер был выходцем из буржуазии или помещиков. Был женат на дочери архангельского лесопромышленника. Его пытали, но он остался верен Советской власти. На расстрел его отнесли на носилках, расстреляли привязанным к столбу. Расстреляли и всех захваченных моряков.

Рейс в Архангельск и в устье реки Оби на «Пахтусове». Бегство англичан с Севера

Мы устроили Власова кочегаром на рыболовный тральщик № 13. Спустя некоторое время мне и Пятаку моряки сказали уехать с Мурмана. И мне пришлось поступить машинистом на этот же тральщик № 13. Пятак тоже поступил машинистом на какой-то тральщик. Эти суда шли в Архангельск. В подпольном профсоюзе остался товарищ Грасс, кочегар со «Сторегута».

В Архангельске собиралась экспедиция в устье реки Оби за грузами для Архангельска.¹⁴⁸ Власову надо было устроиться на одно из судов экспедиции штурманом, но у него не было документов, удостоверяющих, что Власов плавал штурманом. Документы были получены у капитана тральщика № 13. Документы пришлось доставать мне.

В воскресенье на тральщике я был вахтенным машинистом. Когда с судна все, кроме вахтенных, ушли на берег, я зашёл в каюту к капитану. Он был чем-то занят. Я изложил ему просьбу: «Чтобы спасти Власова, ему нужно выдать удостоверение о том, что он плавал на тральщике штурманом». Капитан мне ответил, что он не может выдать такого удостоверения, так как Власов плавал кочегаром. Тогда я вынужден был предупредить капитана, что в случае невыдачи такого удостоверения, он будет иметь в будущем неприятность, и легонько коснулся ножа, висевшего у меня на поясе, как обычно у каждого рыбака, моряка... Капитан понял мой намек, подумал, написал такое удостоверение, приложил печать и выдал мне его на руки. В случае неприятности, он попросил, его имя не должно фигурировать.

С этим документом Власов устроился в экспедицию. Принимал в экспедицию капитан Неупокоев, один из исследователей Севера. Он сказал Власову, что он не интересуется политическими взглядами подчинённого, лишь бы он был хорошим моряком.

¹⁴⁸ Целью экспедиции к устью Оби была попытка решить продовольственную проблему за счёт экспортных товаров, скопившихся в Сибири после приостановки грузовых операций в конце 1917 г. Проект экспедиции был разработан в Главном гидрографическом управлении, поддержан правительством Северной области (Вилькицкий Б.А. *Когда, как и кому я служил под большевиками: Воспоминания белогвардейского контр-адмирала. В кн.: Черкашин Н.А. Командоры полярных морей.* – М., 2003. – С. 442-444). и осуществлён Б.А.Вилькицким. В 1918 г. перед экспедицией ставились ограниченные задачи – промер и навигационное оборудование фарватера, обеспечение работы радиостанций на побережье Северного Ледовитого океана (через Дудинку, где начиналась телеграфная линия, осуществлялась связь с Сибирью). 11 августа 1919 г. было утверждено Положение об Управлении морской экспедиции в Сибирь, состоящее при главнокомандующем войсками Северной области. Начальник экспедиции непосредственно подчинялся председателю Межведомственной комиссии по организации Морской экспедиции в Сибирь и командующему флотилии Северного Ледовитого океана. Навигационно-гидрографическим обеспечением занималась Гидрографическая экспедиция Западно-Сибирского района (РГАВМФ, Ф. р-129, Оп. 2, Д. 11, Л. 284-284-об). Непосредственным руководителем экспедиции 1919 года был назначен директор маяков и лоции капитан 2 ранга И.В. Мессер.

Тральщик № 13 должен был возвратиться в Мурманск, и я должен был уйти с него. Пятак тоже ушёл с тральщика, и мы поступили на какое-то судно «Бакен»,¹⁴⁹ уже не плававшее.

Однажды к вечеру, хотя в Архангельске темноты и не было, ко мне пришёл на судно знакомый моряк и сказал мне, что мне нужно сходить на одну большую баржу. Там в трюме помещено человек двести - триста солдат, прибывших из-за границы и едущих на родину в Сибирь. Солдаты просят, чтобы к ним пришёл человек и объяснил им программу большевиков и задачи Советской власти. Меры к сохранению безопасности меня приняты.

Я сходил на это собрание. Люди с жадностью слушали меня. Особенно их интересовала политика Советской власти в отношении деревни. Лекция и беседа продолжались несколько часов. После лекции я ушёл незаметно с толпой солдат.

После этого мы с Пятаком поступили машинистами на географическое судно «Пахтусов». Судно ходило к Канину носу на промеры глубин. После возвращения «Пахтусова» с Канина носа судно было назначено в экспедицию в устье реки Оби.¹⁵⁰

В июле 1919 г. мы ушли на пароходе в устье реки Оби. На судне нас было всего около тридцати человек. Командиром был монархист барон Шельбкнехт. Мы долго находились в плавании. Режим льда ещё не был изучен. Наше судно с трудом продвигалось через ледяные поля Карского моря; шли от разводья к разводью. Матросы и мы были удивлены, что в Карском море вода сверху пресная на глубину 1,5 – 2,0 м, а внизу судна вода солёная, морская.

Нам посчастливилось. Мы убили белую медведицу и поймали двух медвежат. Медвежата очень быстро привыкли к повару судна. Ночевали медвежата на кухне.

Устье реки Оби оказалось очень широким заливом, врезавшимся в материк на несколько сот километров. Залив был настолько широк, что берегов не было видно. Но в заливе была пресная вода жёлтого цвета.

Наконец, мы приблизились к каравану обских судов и барж. Эти суда и баржи уже ожидали нас.¹⁵¹ Очень далеко был виден, в виде узенькой полоски, низкий берег.

Нас довольно быстро погрузили. Груз был сливочное масло в небольших бочонках. На некоторых судах были рации, и от радистов стало известно, что в Англии проходят собрания рабочих с требованием ухода английских войск из России. В связи с этим распространился слух о том, что суда нашей флотилии пойдут за границу, не заходя в Архангельск. Вся команда была против ухода за границу. На случай мы подготовились к захвату винтовок и патронов, запас которых был на судне. Но надо было выяснить

¹⁴⁹ Имеется в виду «Бакан».

¹⁵⁰ Экспедиция Б.А. Вилькицкого вышла из Архангельска 15 августа 1919 г. тремя группами в составе 14 судов и барж. В первой половине сентября они прибыли в бухту Находка, где груз принял речной караван, но вскоре из-за общего отступления Сибирской армии работы по перегрузке были прерваны и 20 сентября речной караван стал подниматься по Оби. В Омск было доставлено около 100 000 пудов военных товаров (английского вооружения и обмундирования), 6 000 пудов бумаги и 8 000 пудов медикаментов. (*Цветков В. Экономическое чудо по Колчаку. // Родина. – 2000. – № 5. – С. 145*). В ноябре в Новониколаевск прибыли последние суда. Окончание навигации 1919 г. совпало с отступлением белых войск из Сибири и эвакуацией Омска. Английские военные товары стали трофеями Красной армии (*Казимиров М.В. Морской центр в Сибири 1918-1919. – С. 165*).

¹⁵¹ Правительство А.В. Колчака также участвовало в подготовке Карской экспедиции. Поход обеспечивался учрежденной 24 декабря 1918 г. Дирекцией маяков и лоций Северного морского пути во главе с подполковником корпуса гидрографов Д.Ф. Котельниковым, Отдельным Обь-Енисейским гидрографическим отрядом и образованным в апреле 1919 г. комитетом Северного морского пути, состоявшим из представителей министерства торговли и промышленности, кооперативных объединений, земских учреждений, а также представителей сибирской кооперации, норвежских и английских торговых компаний. В начале августа 1919 г. флотилия из 7 пароходов и 19 барж покинула Омск и Новониколаевск, двигаясь вниз по Енисею. В Архангельск отправлялись 540 000 пудов зерна, 70 000 пудов масла, 30 000 пудов жиров и даже такие специфические сибирские товары, как мед (28 000 пудов) и валенки (4 500 пудов) (*Богданов К.А. Адмирал Колчак. – СПб., 1993. – С. 215*).

положение, на кого можно надеяться на судне. Я решил переговорить с механиком судна, офицером, кажется, по фамилии Власенко. Беседа у нас состоялась вполне откровенная. Я спросил, как думают поступить механик и штурманы, если наше судно пойдет за границу, не заходя в Архангельске, так как в связи с уходом англичан город могут занять рабочие и Красная Армия. Власенко мне ответил: «Мы этот вопрос обсудили со штурманами и решили: если судно командир попытается завернуть за границу, то командира арестовать, а судно завернуть в Архангельск. Мы все, кроме командира, считаем, что настоящая власть в России - это Советская власть». Я сказал: «В этом деле можете рассчитывать на нас, вся команда за поворот в Архангельск».

Моряки на случай необходимости восстания в море переговорили с моряками других судов. На всех судах моряки решили делать так же, как и мы.

Перед самым нашим уходом в обратный рейс по радиосообщениям в Архангельске всё было спокойно. Во время нашей стоянки с одного судна из Обской речной флотилии к нам, машинистам, обратился один машинист по фамилии Людкевич с просьбой перейти к нам на работу, так как ему нельзя было возвращаться обратно. У нас была свободна одна должность машиниста. Мы переговорили с механиком, всё уладили, и Людкевич перешёл к нам. Это был исключительный мастер. Он знал токарное дело, слесарное и прочие профессии, сам он был прямой внук польского графа Людкевича, но образование имел только четыре класса. Он смущался своего высокого происхождения и искренне иногда высказывался, почему ему марают паспорт графским происхождением. Правда, от деда он унаследовал аристократический большой нос.

Обратный рейс мы совершили по чистому Карскому морю. Нигде не задерживались. В Баренцевом море был шторм. При входе в горло Белого моря мы увидели морские пароходы, идущие из Архангельска. Погода была штормовая, но ясная, и мы видели английский флаг. С одного транспорта штормом оторвало плохо привязанный катер. Катер был хорошо забран и не утонул. Наши матросы поймали этот катер, несмотря на сильный шторм. Шторм был настолько сильный, что наше судно было вынуждено остановиться на ночь под прикрытием небольшого островка у западного берега, горла Белого моря.

Моряки всех судов и рабочие Архангельска встретили уход англичан, как радостную весть, предвещающую скорый приход Советской власти. Вместе с англичанами или немного позднее ушли и все интервенты. В крае остались одни белогвардейцы. А белогвардейцев за серьёзных правителей и противников рабочие и моряки не считали. Главными врагами считались англичане. Уход англичан был похож на бегство. Они старались всё, что не могли взять, либо уничтожить, либо испортить.

Белые ещё могли много натворить бед. Нас, моряков, особенно беспокоил уход за границу плавучих единиц. Это белые могли сделать под силой имеющегося у них оружия.

Сохранение тральщиков в бухте Порчниха

Мы встретились с моряками с рыболовных тральщиков, в частности, с тральщика № 13 Никитиным и механиками с других тральщиков, их фамилии я уже теперь не помню, хотя их лица до сих пор помню. Большинство механиков были семейными. Тральщики уже приказали подготовить к уходу на зимний ремонт в бухту Порчниха, на восточном побережье от Кольского залива. «Пахтусов» тоже должен был уйти на зимовку в Мурманский порт. Все суда нуждались в ремонте. Но нам было ясно, что уход тральщиков в бухту Порчниха - это подготовка к уходу за границу в случае прихода Советской власти.

Для того, чтобы сохранить тральщики, было решено, чтобы я перешёл машинистом на тральщик № 13. Уход тральщиков в бухту Порчниха мотивировался администрацией [необходимостью] скорее отремонтироваться и поскорее начать ловить рыбу.

Порчниха представляла из себя узкий глубокий залив. В заливе никогда не чувствовалось волнение воды в море.

Тральщики в количестве тринадцати штук были поставлены на рейде в бухте без охраны. Команда была оставлена в самом минимальном количестве. Механики, машинисты, штурманы и капитаны помещались в одном доме. Койки были сделаны, как в кубриках, вокруг стен, одна над другой. Команда была размещена в другом доме в таких же условиях.

В бухте была небольшая пристань и возле пристани небольшие склады. Была еще баня, кузница и мастерская с верстаком, в которой можно было ремонтировать тралы. С нами вместе, в отдельной комнате, жил технический руководитель, он же начальник тралового флота, Бурков Иван Павлович, старый и бывалый моряк. Буркову было уже за 50 лет.

Среди моряков шли разговоры о том, что тральщики могут быть угнаны за границу. В эти дни в Порчнику зашёл буксир «Сторегут». Механик «Сторегута» привёз и передал мне письменную напечатанную типографским шрифтом прокламацию - призыв ко всем морякам и рабочим, чтобы делать всё, чтобы потихоньку останавливать движение. Фамилию этого механика не помню. Это был человек среднего роста с чёрными висячими усами. Он мне был известен, как скромный и тихий наш товарищ. На словах я ему передал, что все тральщики, чтобы не были угнаны, мы охотно разберём основательно на ремонт; у многих механиков и штурманов остались в Архангельске семьи, а матросы и кочегары рады случаю, чем угодно помочь, сделать всё для пользы будущей народной власти.

Шёл январь 1920 г. Машины и другие механизмы всех тральщиков были разобраны и потихоньку, «не бей лежачего», шёл ремонт. Для связи с миром один тральщик был на ходу.

По воскресеньям мы ходили на охоту. Некоторые из нас ходили вверх бухты и выслеживали песцов и выдр, их следов было много, а я ходил на куропаток. Их было в изобилии, и они были не пугливые, поэтому охота всегда была добычлива. Дробь для охоты делали сами.

В феврале 1920 г. Иван Павлович Бурков пригласил меня к себе и спросил меня, согласен ли [я] ехать в Мурманск и за механика, и за тральщика один на тральщике, при одном кочегаре и при одном матросе, а он, Бурков, будет за штурмана. Я сказал, что согласен, так как мне надо съездить в Мурманск по личным делам. Бурков мне сказал: «Я знаю, зачем вам нужно в Мурманск. Я, когда был молодой, тоже увлекался политикой». Я его спросил: «Вы что, осуждаете это дело?» Бурков ответил: «Нет. Считаю, что тральщики разобрали правильно. Теперь их не угонят. Я ведь всё понимаю. Советская власть неизбежна». Тогда я попросил Буркова взять ещё машиниста, а меня оставить в Мурманске по личным делам на некоторое время. Бурков согласился оставить меня в Мурманске.

На пристанях в Мурманске было много грузов. Было много муки, много бочек спирта. Все склады были забиты продуктами в виде консервов. Было много английского солдатского обмундирования и разного белья.

Свержение белой власти в Мурманске

После ухода тральщиков из Мурманска я перешел на «Пахтусов». Команда была старая, Пятак работал старшим машинистом, Людкевич машинистом. На судне было человек пятьдесят.

Мне Пятак рассказал об обстановке. В ближайшее время будет восстание против белых. Организатором военного восстания является комендант города Мурманска капитан Орлов. К восстанию условия подготовлены. Ему, Пятаку, известна только одна вооружённая сила, это комендантская команда, кроме моряков.

На железной дороге постепенно вывели из строя почти все паровозы. По сообщению от тральщиков, где работал Анкудинов, из Вайды-губы было известно, что механизмы на тральщиках тоже разобраны, как и на наших тральщиках в бухте Порчника.

Все население с радостью бы приветствовало приход Советской власти. Солдаты белой армии были ненадежны, разлагались. Были известны случаи бегства из армии и солдат, и офицеров.

19 февраля Пятак ушёл связным в комендантскую команду. Я был оставлен на судне. Среди моряков хорошо знали военное дело матрос Гриша, пехотинец, обстрелянный на фронте солдат, и Людкевич, артиллерист. Было условлено, что в случае гибели Пятака я даю сигнал к действию Грише и Людкевичу и всем товарищам. В этом я должен руководствоваться сообщениями наблюдателей, всё время высылаемых нами и в порт, и на другие суда. Каждый кочегар и матрос был внутренне напряжён. Каждый зорко следил за всем происходящим и в любую минуту был готов вступить в борьбу. Мы, конечно, понимали, что нам придется в первую очередь захватывать склады с оружием и припасами, и поэтому особым нашим вниманием пользовались они, [склады], где хранились винтовки, пулеметы, патроны и гранаты.

Восстание ориентировочно предполагалось 22-23 февраля, но мы уже спали одетыми с 19 февраля, хотя и соблюдали точно установленный распорядок дня. Под видом внешней морской грубоватости и иронии в отношениях друг к другу чувствовалась братская любовь каждого к товарищам. Основным чувством была радость, что мы дожили до момента, когда сможем свергнуть ненавистную власть белогвардейцев. У нас была жажда победы или смерти, но мы о смерти не думали, так как знали, что в тяжкие минуты народной жизни наши предки, русские, так же поступали; дрались все храбро, отчаянно, а кому выпадет участь погибнуть в бою - это было неизбежным, случайным, но славным делом, человек отдавал жизнь и знал за что.

Внешне всё было спокойно, часть команды «Пахтусова» была вооружена винтовками, имевшимися на судне, так как судно было гидрографическим и имело оружие.

21 февраля около 11 часов утра на «Пахтусов» прибежал из комендантской команды Пятак и сказал: «Восстание началось. Задача команды «Пахтусова», рабочих и мастеровых плавучей мастерской «Ксения», грузчиков и всех моряков - захватить склады с оружием и припасами. Затем вооруженной группе под командой Людкевича, как артиллериста, захватить батарею в районе Зеленого мыса.

Второй вооруженной группе во главе с матросом Гришей, удивительно метким стрелком, обезоружить 70 человек вооруженных солдат, датчан, охраняющих склады.

Морякам «Пахтусова» захватить миноносец, стоявший у пристани с разобранной машиной. Рабочие транспорта «Ксения» будут занимать всю остальную часть торгового порта.

После этого нам закрепиться в порту».

Захват складов был произведен быстро. Ни один датчанин-часовой не успел выстрелить. Содержание складов грузчикам было хорошо известно.

После вооружения были захвачены в плен все датчане, их было около 70 человек. К слову сказать, они оказались благоразумными людьми и никакой злобной активности против нас не проявили. Благодаря этому они все оказались живыми и были в скорости отправлены в Норвегию и дальше на родину.

К морякам и грузчикам присоединились рабочие-китайцы.¹⁵² Они также участвовали в захвате складов и были вооружены, их участвовало около 50 человек, некоторые из них вступили в партию после переворота. Одного из китайцев-коммунистов, участвовавших в перевороте 1922 г.¹⁵³, я встретил в Хабаровске в 1926 г. По его словам, он направлялся для работы в Китае.

¹⁵² Китайцы были завербованы на Мурман для строительства железной дороги. Только в период с мая по июль 1916 г. из Харбина на Север России их было отправлено свыше 9 тысяч человек. (Российский государственный исторический архив. Ф.417. Оп.1. Д.40.) Китайцы оставались на Мурмане и после окончания строительства дороги, образуя здесь довольно крупную диаспору.

¹⁵³ Так в документе, очевидно, в 1920 г.

Наиболее трагическим моментом был захват миноносца, стоявшего у пристани. Это было необходимо сделать в интересах общего восстания. Отливом миноносец мог быть быстро отнесен на рейд, а там под обстрелом миноносца оказался бы любой пункт города. Офицеры миноносца в количестве 6-7 человек узнали про восстание немного раньше команды, и поэтому они закрылись в середине судна, в кают-компании, и держали под обстрелом выход из кубрика на палубу.

Команда от палубы была отрезана и находилась в кубрике. На палубе оказался один боцман, и его держали под выстрелами офицеры и приказали ему рубить канаты, чтобы освободить миноносец. С берега моряки кричали боцману не рубить. Но боцман считал, что офицеры его не пощадят, а свои пощадят, и взмахнул топором, но в это время Гриша выстрелил ему в сердце, и боцман был убит без мучений. После этого миноносец был взят. Офицеры миноносца не сдавались. Тогда к ним был проведен свежий пар, и после этого они застрелились в кают-компании сами. Другая часть моряков, рабочих и рабочих плавучих механических мастерских «Ксения» заняли весь порт. В порту было много грузов. Только белой муки 500 тысяч пудов. Несколько сотен бочек чистого ректифицированного спирта и т.д.

Но не все суда смогли захватить моряки. Два судна, несмотря на попытки, взять не удалось. Бежавшие белогвардейцы на пароходах сумели отбить попытки моряков взять пароходы. Эти попытки моряки стали делать только после того, как вооружились, прошло время, белогвардейцы успели на пароходе принять меры к уходу. Попытки моряков захватить пароход стоили нескольких жертв. Обстрел моряками из винтовок уходящих пароходов был весьма интенсивным, но задержать пароходы не смогли. Капитан одного из пароходов был по убеждениям сторонник Советской власти (по фамилии Мартисон). На миноносце, взятом моряками, команда была вся за большевиков и на стороне Советской власти. Некоторым из них удалось быть на берегу и участвовать в восстании.

Милиция города выступала на стороне восставших.

Восстание закончилось быстро. Комендантская команда, милиция, военные моряки и рабочие города захватили различные канцелярии и учреждения.

Во время восстания руководитель Александров (известный нам как капитан Орлов) удачно распределил задачи. Комендантская команда и милиция города захватили власть в городе. Нам и военным морякам были даны свои довольно точные задания.

С окончанием восстания над бывшим помещением краевого Совета был поднят красный флаг. Все, кто мог, явились в это время к этому дому. Это не было официальное собрание, но оно было многочисленное, необычно радостное и возбуждённое. Каждый был бесконечно рад происшедшему восстановлению Советской власти на Мурмане. Хотелось целовать свод красный флаг. Целовали и обнимали друг друга, подбрасывали вверх друг друга и дружески толкали друг друга.

Руководитель восстания Александров объявил установление Советской власти.

Только вечером этого дня мы перед сном делились впечатлениями, и мне запомнился рассказ нашего связного Пятака. Он сказал, [что] 21 февраля перед обедом Александров (капитан Орлов) вбежал в казарму и подал команду: «В ружьё!» Солдаты разобрали винтовки и быстро построились. Александров скомандовал двум унтер-офицерам и фельдфебелю выйти из строя и встать перед строем. Они это сделали. Александров скомандовал солдатам: «По врагам народа, пли!» - и эти предатели тут же были убиты. Потом Александров скомандовал: «Связные, ко мне!» Они, связные, подбежали к Александрову. Александров объявил: «Товарищи! Восстание началось. Связному Пятаку поскорее бежать к морякам и делать свои следующие задачи: взять склады, батарею и миноносец». Пятак бросился бежать в порт, на полпути увидел милиционеров, уже выступивших и лежавших в цепи. Кто-то из них крикнул: «Стой!» Пятак остановился. Последовал окрик: «Кто ты? Красный или белый?» Милиция была белая, и Пятак подумал, что теперь пришла его смерть, теперь до порта уже не добежит, и выхода никакого нет. Пятак решил: погибать лучше красным, чем белым, поэтому крикнул: «Я за

красных!» Тогда последовал окрик: «Куда бежишь?» Пятак ответил: «В порт к морякам!» Ему в ответ крикнули: «Беги скорее!» Тогда Пятак подхватился и здорово рад был, что жив остался, и что милиция за красных, и что свое задание теперь выполнит.

Мы, счастливые победой, от души смеялись рассказу Пятака.

Во время восстания и после восстания царил полный порядок. Например, ни одного случая кражи, пьянства и т.п. не было. Не было никаких личных расправ с захваченными белогвардейцами.

В числе руководителей во время восстания был арестован помощник генерал-губернатора Ермолов. Во время заключения в Мурманске Ермолов выразил недовольство тюремным питанием. В ответ ему был показан номер местной газеты, где был опубликован суточный рацион заключенных в мурманских тюрьмах, утвержденный им, помощником генерал-губернатора по Северной области генералом Ермоловым. Моряки, охранявшие Ермолова, спросили его, почему, он, Ермолов, считал опубликованный рацион вполне подходящим для заключенных белогвардейских тюрем, а теперь, когда сам стал заключенным советской тюрьмы, считает рацион недостаточным. Это очень смешило моряков.

Бывший председатель краевого Совета Юрьев также был арестован. Ермолов, Юрьев и другие ответственные белогвардейцы были вскоре отправлены или в Москву, или в Архангельск.¹⁵⁴ Рядовые белогвардейские солдаты, если они лично не сопротивлялись, обязывались сдать оружие, если у них таковое было, и встать потом на учёт. Белогвардейские офицеры, не выступавшие против восставших, не арестовывались, а брались только на учёт. Администрация порта не была арестована, поскольку она не выступала против восставших. Все это объяснялась высоким сознанием рабочих и моряков. Погибших с нашей стороны было около 20 человек (кажется только двадцать). Со стороны противника - пятьдесят человек. Наших погибших мы похоронили на площади в братской могиле. Там же был и похоронен застреленный восставшими боцман с миноносца. На братской могиле был нами поставлен деревянный памятник, и на одной стороне были написаны фамилии, имена и отчества погибших.

При посещении мной города Мурманска в 1959 г. я много раз сидел на скамейке против памятника в сквере, расположенном в центре города. Памятник поставлен жертвам интервенции. На памятнике не было списка погибших товарищей во время восстания. Я не нашел имен погибших ни в областном партактиве, ни в других архивах. Я сидел против памятника и вспоминал их имена и не мог вспомнить. Хотя в 1923 г. этот список на памятнике существовал и подновлялся регулярно.

Организация Советской власти на Мурмане

После переворота мы, моряки военного и торгового флота, портовые рабочие, мастеровые с транспорта «Ксения», организовали Союз моряков. Председателем выбрали Воронова, а секретарем меня. После этого я на моторном боте съездил в бухту Порчниха и информировал там экипажи тральщиков о событиях, об установлении Советской власти и об организации Союза моряков.

Моряки с радостью приветствовали приход Советской власти. По пути мне было поручено арестовать в одном из рыбацких посёлков белого офицера. Белый офицер оказался хорошим бухгалтером. Он жил в посёлке в отпуске, но сознательно отпуск давно просрочил. Он сам встретил наш бот и заявил: «Если вы за мной, то я готов». Этот офицер потом служил в Мурманске в военкомате.

После восстания из участников восстания организовался Мурманский краевой Совет. Возглавил его руководитель восстания Александров. Мне приходилось бывать на

¹⁵⁴ Арестованные 21 февраля 1920 года были отправлены сначала в Петрозаводск, потом в Вологду. (Киселев А.А., Климов Ю.Н. Мурман в дни революции и Гражданской войны. – Мурманск, 1977. С. 196-197.)

его заседаниях. Его помощником был Пospelов по прозвищу Ванька Каин - руководитель партизанских отрядов рыбаков. Руководители восстания и мы не знали [принципов] построения органов Советской власти, и поэтому был избран исполнительный орган краевой Совет народных комиссаров.

У новой власти было очень много работы. В первую очередь немедленно были созданы вооружённые отряды из рабочих и моряков. Ведь надо было охранять город и очищать железную дорогу и идти навстречу частям Красной Армии. С моря город должны были защищать двумя миноносцами и батареей на заливе.

Одновременно создавались нужные учреждения: управление торгового порта, продовольственные, советские и другие учреждения.

Многие из служащих участия в восстании против нас не принимали. Они не были открытыми врагами Советской власти, но мы их пока и не считали её сторонниками.

Все моряки почти поголовно принимали участие в восстании. Все понимали значение партии в том, что только партия Ленина есть организатор Советской власти и нового государства трудящихся, но не все считали для себя возможным быть членом партии. Поэтому среди моряков была проведена такая работа: кто считает себя способным быть последовательным, не щадить жизни и сил, большевиком - ленинцем, тот должен об этом заявить на общем собрании.

Собрание состоялось или в Доме Советов или в клубе. На нём, я помню, выявился у моряков только один член партии Слепцов. Он имел билет члена партии с 1917 г. Больше членов партии я не помню. Два или три человека выявилось среди железнодорожников. На этом первом партийном собрании ни Александрова, ни Пospelова не было. Поэтому я сейчас не помню, были ли они членами партии или нет. На собрании каждый выступал и говорил перед собранием, что он делал до восстания, как участвовал в восстании и считает ли себя готовым быть членом партии большевиков. Готов ли выполнять любые поручения партии не щадя ни здоровья, ни сил.

Собрание обсуждало и принимало в члены партии. Каждый из вступивших был лично известен своими делами и в подполье, и во время восстания. Таким образом, создались партийные организации моряков военных, торговых и железнодорожников.

Ни на одном из партийных собраний не было сказано, что была какая-то партийная подпольная организация. Подпольная организация была, и она руководила подпольной работой, и состояла она из членов партии и большинства беспартийных. Военным руководителем этой подпольной организации был Александров. Но эта организация не была формально партийной. По существу эта была организация по своим целям и внутреннему демократизму, строжайшей дисциплине и самодисциплине, вплоть до применения смертной казни, ярко выраженная организация большевиков-рабочих в большинстве без партийных билетов.

Национальный состав подпольной организации был пестрый. Основное ядро - русские и украинцы (черноморцы). Поскольку было время военное, то подпольная организация моряков иногда принимала меры по ликвидации предателей. Это внушало уважение.

За время существования подпольной организации моряков никто из нас не интересовался, кто имеет партийный билет, а кто не имеет. Большевик нами определялся по делам. Его преданность также проверялось на деле.

Вступление Красной Армии в Мурманск и организация Мурманской уездной партийной организации и уездисполкома

13 марта 1920 г. в Мурманск вступила Красная Армия.¹⁵⁵ Первым в Мурманск вступил бронепоезд Карл Маркс, а затем поездом прибыли части Красной Армии. Вместе

¹⁵⁵ Части 1-й стрелковой дивизии вступили в Мурманск 7 марта 1920 г. (Киселев А.А., Климов Ю.Н. Мурман в дни революции и Гражданской войны. – Мурманск, 1977. С. 198.)

с частями Красной Армии прибыли начальник политотдела дивизии Чумбаров-Лучинский, работник политотдела Каценеленбоген и другие.

В марте месяце до 20 числа Чумбаров-Лучинский созвал общегородское партийное собрание. На этом собрании присутствовали участники восстания, вступившие в партию, но не оформленные, также присутствовали командир бронепоезда Довголевский и секретарь партийной ячейки бронепоезда Хотимский. На этом собрании было оформлено и моё вступление в партию, без кандидатского стажа. На вступивших в партию были оформлены документы и отосланы Архангельскому губкому РКП(б) на утверждение новых членов партии без кандидатского стажа, ввиду того, что товарищи своим участием в подпольной работе и в победоносном восстании против белых доказали свою политическую зрелость.

На этом же собрании Чумбаров-Лучинский и другие товарищи посчитали нужным организовать в городе Мурманске Советскую власть уездного масштаба. Мы, как нас уже называли, «старые мурманцы», не были с этим согласны. Мы считали, что Мурманский край и город Мурманск с единственным незамерзающим в России портом, огромными рыбными богатствами и железной дорогой, связывающей Мурманск с Россией и Петроградом круглый год, перерос масштабы уезда и уездного города и является по существу [такой] важной административной единицей, как губерния. Но доказать свою правоту мы не смогли. Прибывшие товарищи считали нас ещё совсем зелеными членами партии и наших доводов не приняли. Считая Чумбарова-Лучинского и других товарищей авторитетными, так как они имели опыт организации советских и партийных органов, мы отказались от своего предложения.

В соответствии с этим решением партсобрания и был организован Мурманский уездный исполнительный комитет Совета рабочих, рыбацких и красноармейских депутатов.

Мурманская партийная организация организовалась как уездно-городская партийная организация. Вся внутренняя партийная жизнь была организована в формы, принятые в России. Вместо названий, существовавших у нас, народных комиссаров Совета депутатов были введены названия заведующих отделами уездисполкома.

Чумбарова-Лучинского и секретаря парторганизации Хотимского следует считать первыми организаторами партийных и советских организаций на Мурмане.

В марте месяце 1920 г. на Мурман приезжал член президиума Всероссийского союза работников водного транспорта Быстров. Он помог нам организовать Мурманский союз работников водного транспорта. При белых союз существовал нелегально. Никакой бумажной переписки не было, членских билетов не было. Взаимопомощь среди моряков существовала. Союз помогал членам семей арестованных белыми, осуществлял передачи арестованным, организовывал моряков в одну организацию и держал связь с политзаключенными. Когда встал вопрос о членстве в союзе, Быстров предложил нам от имени ЦК союза считать профсоюзный стаж с 1 января 1918 года. Быстров помог нам понять необходимость иметь нашему союзу маленький чёткий аппарат, не раздувая расходов, и понять роль профессиональных организаций рабочего класса в нашей стране, и как эта роль с течением времени будет увеличиваться.

В Советские органы Мурманского уезда влились новые работники, прибывшие в Мурманский край с Красной Армией и после её прибытия.

В первые дни существования Советской власти были посланы суда за заключенными, томящимися в тюрьме Иоканга, на побережье. Заключённые были освобождены и привезены в Мурманск. Из 1200 человек заключённых было привезено живых 600 человек. Из 600 человек двести человек не могли двигаться, их вынесли с парохода на носилках. Эти двести человек были положены в больницы города Мурманска. Когда народ встречал привезённых, то были и плач и крики негодования. Вместе с заключенными были привезены начальник и надзиратели тюрьмы. Конвою трудно было

сдерживать напор толпы. Многие из толпы хотели устроить самосуд и тут же убить их. Но, несмотря на удары и ранения некоторых конвойных, самосуд не был допущен.

Пока лежали больные в Мурманских больницах, я навещал их и особенно машиниста с «Пахтусова». Он нанялся на «Пахтусов» в Архангельске и уволился, когда пароход вернулся из устья Оби. Фамилии его не помню. Звали его, кажется, Павлом. У него была жена и двое детей. Он был арестован в Архангельске. В тюрьме в Иоканге у него от цинги опухли ноги, но руки были сильны, и он, радуясь своему освобождению и установлению Советской власти, уверял меня, что он теперь будет жив и в доказательство поднимал двухпудовую гирию, лежа в постели. Я этому верил. Это был прекрасный товарищ и человек.

Через некоторое время я узнал, что вывезенные больные в Архангельск многие умерли в пути. В их числе умер и Павел. Говорили, что умерло около двухсот человек.

[...]

Архангельская губпартконференция и принятие решения об образовании Мурманской губернии

Окончание гражданской войны поставило и перед Мурманском вопросы дальнейшего хозяйственного развития края. Мы все сознавали огромное значение Мурманского края [и порта] для государства, как единственного незамерзающего порта, связанного с остальной Россией железной дорогой, и значение для страны рыбных богатств края. Мы считали, Мурманский незамерзающий порт имеет значение для всей страны, а не только для Архангельской губернии.

База для механизированной добычи и ремонтные сооружения для рыболовного флота должны быть сосредоточены в Мурманске. Из Мурманского порта тральщики и другие суда могут выйти в море в любое время, тогда как Архангельский порт запечатан в феврале - марте месяцах льдом в горле Белого моря до 15-20 мая.

Мурманский край, имея богатую будущность развития добычи рыбы, дальнейшее быстрое строительство незамерзающего порта, строительство гидростанций на Туломе, Коле, Териберке, будет постоянно ощущать большую потребность в людях. Их может дать только республика в целом.

Этой точки зрения придерживались тогда все руководящие товарищи Мурманского уезда: Емельянов, Анкудинов, Прохоров, Данилов, Сироткин, Слепцов и другие товарищи.

В декабре 1920 г. состоялась уездная партконференция. От Архангельского губкома партии на конференции присутствовали два человека. Фамилию одного помню - Новов, а фамилию другого не помню.

На партконференции был поставлен вопрос о выделении Мурманского уезда в Мурманскую губернию и, следовательно, об отделении от Архангельской губернии.

Выступавшие по этому вопросу товарищи от Архгубкомпартии Новов и другой товарищ обвинили нас в продолжении политики изменника Юрьева. Выделять Мурманский уезд в губернию неправильно, так как экономика Мурманского уезда тесно связана с экономикой жителей - рыбаков Архангельской губернии.

В ответ мы показали, как на практике помогает Архангельский губком партии в деле прорыва экономической блокады через Мурманский порт. К тому же резонно заявляли, что Мурманский край может развиваться только при помощи центрального правительства. Как уезд Архангельской губернии он не может развиваться. Архангельской губернии он не по плечу.

Партконференция постановила выделить Мурманский уезд в Мурманскую губернию. Конференция поручила мне выступить с предложением о выделении Мурманского уезда в губернию на Архангельской губпартконференции, состоявшейся в январе 1921 г. Мною это было сделано, и делегаты от всех уездов на Архангельской губпартконференции поддержали мое выступление.

Эта поддержка оказалась для меня несколько неожиданной. В гостинице, где мы размещались, некоторые делегаты всех уездных партийных организаций губернии собрались и обсудили состав будущего губкома партии (совет старейших). Я на этом совещании выступил с кратким обоснованием своего предложения о выделении Мурманского уезда в самостоятельную губернию и просил на заседании партконференции принять это предложение. Делегаты ещё раз все взвесили и решили голосовать на конференции за это предложение.

Еще ранее этого мы попросили Вастейна изложить всё, как оно есть на самом деле, лично В.И. Ленину.¹⁵⁶

Пожалуй, непосредственное обращение к В.И. Ленину быстро решило этот вопрос.

После губпартконференции проходил съезд Советов Архангельской губернии. На съезде я был выбран членом губисполкома.

С конференции и съезда Советов мы возвращались в Мурманск на ледоколе. От самого города Архангельска до устья реки Северной Двины был толстый лёд, и ледокол давил его, делая разбеги задним ходом. После устья Северной Двины море было свободно от льдов. Но нас задержал в море сильный шторм.

Командиром ледокола был Николаев, бывший белый. Он не побежал с белыми за границу, а остался в Архангельске и организовал погоню по морю за белыми. Николаев не сочувствовал большевикам. На революцию и установление Советской власти он смотрел как на неизбежное историческое зло. В прошлом дворянин и аристократ, он занимал крупные должности в царском флоте. При белых он был заместителем командующего флотом. На мой вопрос, почему же он остался в России, он ответил: «Я - патриот России. Я против того, чтобы на русской земле были иностранцы. Когда белые власти собрались бежать из Архангельска, мне приказали тоже бежать из Архангельска. Я этого не сделал. Перед побегом из Архангельска мой сын, офицер, спросил меня: «Мне остаться или нет?» Я ответил: «Ваня, ты как хочешь, а я останусь здесь. Я старый, и если большевики меня расстреляют, то меня похоронят в русской земле. Я больше не могу жить за границей». Сын, узнав, что меня не расстреляли и дали должность начальника экспедиции¹⁵⁷ из судов, идущих в устье реки Оби, дальше Норвегии не побежал и прислал ходатайство о возвращении его и ещё нескольких офицеров в Советскую Россию».

Денщик у Николаева плавал вместе с ним задолго до революции и состоял при нём много лет бессменно. Он ведал хозяйством Николаева.

Мы с Николаевым подолгу беседовали. Наши беседы скорее походили на споры. Он много лет был представителем бывшего русского царского правительства при крупных судостроительных верфях Англии, где строили военные морские суда для России.

Это был высокообразованный человек, много читавший. И, по его словам, он был знаком и с марксистской литературой, но, по моему мнению, не понял её.

Николаев принимал Великую Октябрьскую революцию как должное, законное явление и говорил, что революция неизбежно будет и в других странах. Он принимал Советскую власть и большевиков как тоже неизбежное и закономерное явление. Он даже говорил с гордостью, как русский, что всё-таки русский народ выделил Ленина и большевиков, а не другой народ. Большевики установили настоящую, умную, крепкую власть в России. Он со всем был согласен, так как считал это исторически неизбежным, но говорил, что люди, в конце концов, придут обратно к «капиталистическому корыту». Николаев был хорошим командиром корабля. На судне была хорошая дисциплина. Николаев был настоящим, хорошим моряком, прекрасно знающим своё дело. Он одинаково был строг в отношении матросов и офицеров и был справедлив.

¹⁵⁶ А.П.Вастен (а не Вастейн) действительно встречался с В.И.Лениным. Подробнее см.: А.А.Киселев. Родное Заполярье. - Мурманск, 1974.с.127-132.

¹⁵⁷ М.В.Николаев был назначен помощником начальника экспедиции по хозяйственной части (РГА ВМФ, Ф. р-129, Оп. 2, Д. 11, Л. 284-об.).

В Мурманске я доложил уездного городского и общегородскому собранию результаты губпартконференции. После этого выбыл в Архангельск по железной дороге. Это было в начале марта 1921 г.

В Петрограде я должен был пересест на поезд, идущий на Вологду. При оформлении проезда я был мобилизован как член партии на подавление контрреволюционного Кронштадтского мятежа. Недалеко от вокзала на Лиговке, в большом шестиэтажном доме, нас было сосредоточено много людей. Нам не выдавали обмундирования, но мы имели винтовки и патроны, ежедневно ходили на военные занятия. Над городом всё время была артиллерийская канонада. Когда Кронштадт был взят, меня вызвали и сказали: «Можете ехать по назначению. Мятеж подавлен».

В вагонах было тесно. Среди множества едущих были и «шипуны» против Советской власти. В Вологде я сошёл с поезда за кипятком и очень удивился: на перроне стоял красноармеец и пел:

Эх, вы, клёшники,
Что наделали,
Кронштадт продали,
Да стали белыми.

В Архангельске я поместился в общежитии членов губкома партии и губисполкома на улице Павлина Виноградова. От товарищей я узнал, что делегат от Архангельской парторганизации на X съезд партии Чумбаров-Лучинский, один из организаторов партийной жизни на Мурмане, погиб при штурме Кронштадта.

В Архангельске я был заведующим губернским отделом социального обеспечения, членом президиума Архангельского губпрофсовета, заведовал охраной труда и работал по ремонту рыболовных тральщиков представителем Архангельского губсовнархоза.

Вопрос об организации новой Мурманской губернии разрешился положительно и быстро. Моё возвращение в Мурманск затянулось до августа месяца 1921 г. В это время Архангельский губком откомандировал меня обратно в Мурманск в связи с организацией Мурманской губернии.

[...]

С. Голованов

23 октября 1960 г.

Рудник Бакырчик Чарского района
Семипалатинской области

ГАМО, ф. П-2393, оп. 2, д. 12, л. 96-135, 150-154. Машинописный подлинник.

№ 8

Г.М. Веселаго Документальная справка из моих мурманских бумаг за 1917 - 1918 годы¹⁵⁸

Село Сорока

Декабрь 1918 г.

Веселаго Георгий Михайлович (1892-1971). Старший лейтенант. Окончил Морской корпус (1911). Служил в оперативной части штаба Черноморского флота, во время Дарданелльской операции – офицер связи в штабе начальника союзной эскадры. С октября 1917 – исполняющий обязанности начальника штаба главного начальника Мурманского укрепленного района. Со 2 февраля 1918 – ответственный управляющий делами Управления Мурманским районом при Мурманском Совдепе, в мае уволен от службы. Управляющий делами Мурманского Совета. С августа 1919 г. в белых войсках Восточного фронта, к 1920 г. в Морском училище во

¹⁵⁸ Заголовок автора.